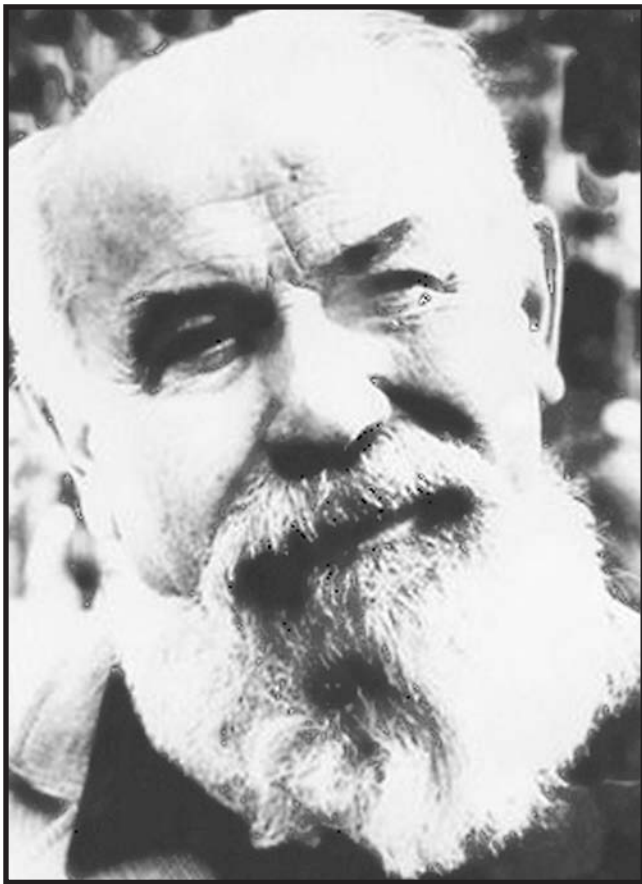

Перипетии судьбы Льва Копелева

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В Германии при жизни он стал почти легендой: люди узнавали его на улицах, лучшие немецкие университеты приглашали выступить с лекциями, ему устраивали оvationи во время выступлений, а на родине его сначала преследовали и запрещали публиковаться, затем проклинали как предателя. В Германии его помнят и почитают и сейчас, а в России его имя оказалось мало-помалу забытым.

Лев Зиновьевич Копелев

«Никакое раскаяние не искупит мою вину»

Лев Зиновьевич Копелев родился 9 апреля 1912 года в Киеве в еврейской семье. В молодости он был восторженным коммунистом. За сочувствие к бухаринско-троцкистской оппозиции его арестовали в марте 1929 года.

В тот раз он провел в тюрьме всего десять дней. Работая в 1932 году журналистом, Копелев стал свидетелем голодомора на Украине, более того, сам принимал участие в раскулачивании, чего потом стыдился до конца своей жизни.

Тяжелые воспоминания об этих событиях, спустя годы, лягут в основу книги «И сотворил себе кумира», первой части трилогии воспоминаний (вторая и третья получили названия «Хранить вечно» и «Утоли мои печали»).

Впоследствии он сказал: «Писать воспоминания я стал потому, что сознавал свою виновность. Но я уверен, что никакое раскаяние не искупит мою вину, не освободит меня от ответственности за все, что совершила партия, к которой я принадлежал, и государство, которому я служил».

Копелев с детства хорошо говорил по-немецки, так как каждое лето проводил в селе среди немцев-колонистов, поэтому выбор дальнейшей специальности оказался логичным: он поступил на факультет германистики Московского

института иностранных языков, который закончил в 1935 и с 1938 года работал преподавателем в институте.

«Буржуазный гуманизм»

С началом войны, в 1941-м, Копелев ушел в армию добровольцем. Благодаря своему совершенному знанию немецкого, он работал переводчиком и пропагандистом среди немецких солдат. Был награжден боевыми орденами и медалями.

Поворотным моментом судьбы, перевернувшим его мировоззрение, стало вторжение Красной армии в Восточную Пруссию. Немного отойдя от темы, надо сказать, что в последние годы появилось много ранее замалчиваемой информации о далеко не всегда гуманном поведении солдат Красной армии в оккупированной Германии.

У многих она вызывает яростное возмущение и воспринимается как попытка надругаться и принизить подвиг советских солдат. Другие оправдывают это насилие зверствами нацистов на оккупированных территориях, дескать, желание отомстить — это вполне объяснимая реакция.

Но для Льва Копелева, чей единственный брат погиб на войне, чьи дедушка, бабушка, дядя и тетя были расстреляны в Бабьем Яру, такая логика была неприемлема. В одном из своих последних интервью он

скажет: «Я уверен, что нельзя осуждать целый народ, нацию или класс, миллионы людей за преступления сотен или тысяч их соотечественников».

А тогда в 45-м он, по мере своих сил, пытался защитить немецкое гражданское население и открыто выступил против проявлений жестокости по отношению к мирным жителям. За это Лев Зиновьевич был приговорен к десяти годам по уникальному обвинению, наверное, возможному только в стране с коммунистическим режимом — «пропаганда буржуазного гуманизма» и «сочувствие к противнику».

Впоследствии в своей книге «Хранить вечно» он так объяснил свой поступок: «Когда я говорил об этом, когда спорил, стараясь убедить — нельзя, чтобы наши солдаты убивали и мучили пленных, нельзя грабить польских и немецких крестьян, — я был озабочен, прежде всего, если не только, — мыслями о нашей стране, о нашем общественном строе.

Какими станут потом, после войны, эти паренки, пришедшие на фронт из школы и ничему не учившиеся, кроме как стрелять, окапываться, перебегать и переползать, швырять гранаты. Они призывали видеть смерть, кровь, жестокость и ежедневно убеждались в том, что газеты, радио, их собственные командиры на митингах рассказывают о войне совсем не

то, что они сами видят и испытывают

Меня исключили из партии и арестовали именно за такие мысли, высказанные вслух; в этом усмотрели «пропаганду буржуазного гуманизма и жалости к врагу». А я злился и недоумевал, почему так неправильно понят, ведь жалею не врагов, а своих».

В тюрьме он познакомился с другим офицером, осужденным за критические замечания в адрес Сталина в частном письме. Пройдут десятилетия, и имя этого офицера узнает весь мир — Александр Солженицын. Именно Лев Копелев послужил прототипом для образа Рубина в романе Солженицына «В круге первом».

О перенесенных тяготах Копелев потом напишет следующее: «Теперь я понимаю, что моя судьба, казавшаяся мне нелепо несчастной, незаслуженно жестокой, в действительности была и справедливой, и счастливой.

Справедливой потому, что я действительно заслуживал кары — ведь я много лет не только послушно, но и ревностно участвовал в преступлениях — грабил крестьян, работая в лагере, славил Сталина, сознательно лгал, обманывал во имя исторической необходимости, учил верить лжи и поклоняться злодеям. А счастьем было то, что годы заключения избавили меня от неизбежного участия в новых злодеяниях и обманах».

После освобождения

Копелев был освобожден в 1954-м и реабилитирован в 1956-м. Не избавившись полностью от иллюзий и все еще сохраняя веру в коммунистические идеалы, он восстановился в КПСС. В этот период он много публикуется, печатает работы по немецкой литературе и занимается переводами.

Но в 1966 году его снова исключают из КПСС за заступничество диссидентов, осуждение советского вторжения в Чехословакию, а также за выступление на собрании в Союзе писателей, где он заявил, что Сталин и Гитлер — родственные явления, и реабилитация Сталина равносильна реабилитации Гитлера. В 1977 году были запрещены публикации Копелева, его лишили права на преподавательскую деятельность.

В 1980 году Лев Копелев со своей женой Раисой Орловой, филологом-американистом, уехал в Германию для работы

над Вуппертальским проектом, инициатором которого он являлся — многотомного издания, посвященного истории многовековых немецко-русских отношений.

В него вошла работа «Почему мы стреляли друг в друга?», написанная совместно с нобелевским лауреатом, известным немецким писателем Генрихом Беллем, с которым у Копелева сложилась крепкая дружба. Копелев планировал провести год в ФРГ и еще один год в Веймаре, в ГДР. Идеи об эмиграции у него не было — он хотел вернуться к детям и внукам. Но во время этой поездки его лишили советского гражданства.

В Германии

Оставшись в Германии, Копелев обосновался в Кельне. Считая себя гражданином мира, он неизменно призывал к взаимоуважению и взаимопониманию между народами и выступал против нарушений прав человека, объездил почти всю Европу. В Германии он часто давал интервью, читал лекции, внес большой вклад в примирение между немецким и русским народами.

Стремясь преодолеть отчужденность между двумя народами, он выбрал символическую фигуру Фридриха Йозефа Гааза (1780–1853), известного также как Федор Петрович Гааз — немецкого тюремного врача, служившего в России, прославившегося своей бескорыстностью и гуманностью. Копелев написал о нем книгу «Святой доктор Федор Петрович».

В 1989 году ему позволили посетить Москву. Во второй раз он приехал в Россию в 1990 году, где встречался со старыми друзьями, но сама страна стала для него чужой. «Никакой демократии — хамократия. Вообще чувство, что я всё больше удаляюсь от Москвы. Никому я там помочь не могу...», — однажды откровенно признался он Марку Харитонову, одному из своих друзей.

Вскоре он вернулся в Кельн, где и умер в 1997-м. Он был похоронен в Москве рядом со своей женой Раисой, скончавшейся в 1989 году. А в Германии была учреждена международная премия имени Льва Копелева «За мир и права человека», которая ежегодно вручается 9 апреля, в день его рождения.

Виктория Куликова